

21 февраля 2012

Воспоминания Бори Штивельмана

once upon a time... заметки об "универе" и "академе"

1. первая встреча, последняя встреча...

Я попал в НГУ не просто так. Меня уговорил Залик. Залик - выпускник физфака (предыдущий выпуск), ныне житель США - был моим соседом и приятелем по Черновцам. Смешной крупный мальчик, по-видимому, гораздо более способный, чем я, он оказался в Академгородке сразу после окончания школы, тогда, когда мы все метались по советскому миру в поисках университета, где "берут" евреев. У него, видите ли, в Академгородке родственник, знаменитый, якобы, профессор-математик. Мне эти соображения показались неубедительными. Еще недавно я всех уверял, приводя в трепет родных, что продолжу работать рабочим-электриком на Чулочном комбинате г. Черновцы. Но тут я решил, что, если уж суждено начинать учебу, следует опробовать что-нибудь достойное. Например, МГУ. Меня выперли с первого же экзамена - письменной математики. В МГУ была жесточайшая процентная норма на прием евреев, и только такой воробей как я не хотел к этому прислушиваться. Я не слишком расстроился. Приемные экзамены в МГУ были намного раньше, чем в других вузах, и я без сожаления уехал поступать в Казанский Университет. Легко сдал, легко поступил, слегка учился. Но вот в конце первого семестра второго курса выясняется, что всех заберут в армию. Кажется, на всем физфаке не нашлось ни одного желающего послужить, и второй семестр физфак КГУ начал исключительно женским составом - если не считать инвалидов и отслуживших. Парни разбежались кто куда - большая часть, если мне не изменяет память, в ГГУ (Горьковский Университет). Там была военная кафедра. А я уехал в Новосибирск. Дело в том, что все эти полтора года Залик трудился надо мной, исписав десятки листов и убеждая меня переехать в Городок. Все его письма начинались одинаково: "Дорогой Боря! В n+1 раз - почему надо учиться в НГУ...". Аргументы у Залика были разные. В общежитии всегда есть горячая вода - такого в нашей предыдущей жизни не бывало, а в Казани на частной квартире и вовсе мы летом и зимой ходили по воду к уличной "колонке". В университет идешь по лесным тропинкам. По улицам ходят одни академики. До пляжа на Обском море рукой подать. Остановки автобуса называются "ядерная физика" "катализ" "гидродинамика". В Доме Ученых можно увидеть всех знаменитостей, а в кинотеатре "Москва" показывают запрещенные фильмы... Верить Залику, известному фантазеру, не хотелось, но, когда все сокурсники стали разбегаться, я испытал прилив энтузиазма и стал убеждать своих немолодых родителей - я гостил у них на зимних каникулах - отпустить меня в Новосибирск. К своему собственному удивлению, убеждая их, я использовал те же аргументы: горячая вода; академики; лесные тропинки... Мне был куплен авиабилет Черновцы-Киев-Новосибирск, теплые кожаные перчатки, большой чемодан. Полет прошел безоблачно, но ощущение, что я лечу на другую планету, не покидало. Я вылетел днем из не по-январски весеннего Киева, а прилетел в свирепую зиму Новосибирска. Холодный автобус домчал меня из Толмачево (что за имя для аэропорта?) до остановки "Морской проспект" в Академгородке (что-то Залик мне ничего о такой остановке не писал). Я высадился

со своим здоровенным фибровым чемоданом в ночном лесу. Было чуть больше 9-и вечера, на улицах никого, ничего. Тусклые фонари. Шофер автобуса махнул мне на прощание: "По Цветному бульвару до Пирогова!.." Залик мне таких улиц не называл. Чуть не плача, я двинулся в указанном направлении, толкая чемодан ногой по скрипучему насту - новые перчатки я забыл в аэропорту города Киева. Широкая темная улица со странным названием, по которой я толкал свой чемодан, была не только безвидна и пуста, но и безлюдна, и "безмашинна и "бездомна" - на ней не было домов! Справа стоял густой кладбищенский березовый лес, слева - пустыри без огней, кое-где скелеты строящихся зданий. В ту ли сторону я иду? Мелькнула мысль - бежать обратно! Но там ведь тоже пусто, автобус давно ушел. . . Холодно было так, что мутилось в голове. Демисезонное пальто, в карманах которого я пытался греть руки, осенние туфли, которыми я изо всех сил пинал чемодан, сомнительного меха шапка - все заледенело, задубело. "Не знаю, доживу ли я до утра, но если это случится, - обратился я неведомо к кому, - завтра на самолет и домой! Хватит!" Слева по борту появилось красивое и тоже совершенно темное здание, мимо него бежала, кутаясь в шубу девушка. "Общежитие, - заорал я не своим голосом, - университет?!!!" - "Вперед!" - как на войне скомандовала девушка и заскрипела прочь. Я продолжал, ухая, гукая и толкая чемодан. Казалось, прошла вечность. Справа возникло большое здание белого кирпича, внутри мерцали огни (Главный корпус НГУ). Я трижды оббежал его, бросив чемодан и успокаивая себя тем, что, если я замерзну, мои вещи мне уже не понадобятся. Все было закрыто! Не понимая, как жить дальше, я побежал вперед, только бы не стоять. Дорога стала уже, фонарей меньше, лес гуще. Хорошо помню, что в тот момент, когда надежда исчезла вовсе, впереди среди стволов появилась пятиэтажка, вся в огнях. Еще не веря себе - галлюцинация?! - я схватил обмороженной рукой чемодан и помчался к стеклянной входной двери. Она была заперта изнутри на всякий замок. Но внутри была жизнь! Гремела музыка, горел свет, сновали люди. Я принялся колотить в дверь и определенно разнес бы ее вдребезги, но от колонны отделилась фигура в валенках, зипуне и пуховом платке. Фигура прильнула лицом к стеклу двери, чтобы разглядеть меня в полутьме, и я отпрянул - лицо было смято, искажено. Мое сознание нарушено, подумал я, но деваться было некуда, и я стал умолять впустить меня, скуля, что мне нужно к Залику - фамилия, черт подери, улетучилась! - и что я замерз. Вахтерша, тетя Валя, впустила меня, Залик быстро нашелся, влил в меня ведро горячего чая - я был спасен. Понадобились годы, прежде чем я вполне осознал, что ходу от Морского до кинотеатра "Москва" - 5 минут, до Университета - еще 5 и до пятого общежития по ул.Пирогова 5 - еще 5. А тетю Валью в детстве покалечил медведь - лапой наступил на лицо.

2.молодое дарование

В юном организме страх надолго не задерживается. Уже назавтра я весело бродил по другой планете с Заликом, влюбленно удивляясь ее диковинкам: горячей воде, заснеженным лесным тропинкам, встревоженным академикам - и откуда Залик так знал их всех по именам? И толпам веселых и не по-зимнему одетых студентов; и редким студенткам; и просторному новенькому зданию Университета, о которое я прошлой ночью бился, как волны о борт корабля; и студенческой столовой в лесу, где поесть можно было дешево и невкусно; и библиотеке, где лохматые студенты и причесанные преподаватели носили груды книг туда-сюда и, казалось, дали мона-

шеский обет не выйти отсюда пока все эти книги не изучат.

Я был толстоватым, розовощекиим, носатым, неуклюжим юнцом, слабо затронутым мировой культурой. Но восприимчивость у меня была! Я вмиг осознал, что из своего подросткового подернутого ряской болотца я попал на высокогорье с другим темпом жизни, с другим сердцебиением, с другим дыханием. Где даже у двуногих, внешне очень похожих на меня, кровь по жилам течет иначе.

И я принял историческое решение - понижаюсь на курс! Я ведь, по сути, не учился в Казани, доказывал я Залику, если, конечно, не считать учебной бдения в кружке молодых поэтов под предводительством Рустама Кутуя.

Я откровенно боялся оказаться в обществе второкурсников, понимая, что они могут догадаться о моей невинности. Залик категорически не соглашался, и не потому, что Вы думаете, дорогой читатель, а потому, что: "Академгородок - дыра. Отсюда нужно бежать в Москву. Быстро закончить Университет и бежать". Я взбесился - и это после того, как он уговорил меня приехать? после того, как я чуть не замерз ночью? после того, как я уже влюбился в эти березки? Отношения между нами испортились.

Между тем, я уже вполне акклиматизировался в "Академе" - так местные ребята называли Городок, легко перемещался в "Универе" - так назывался учебный корпус, без труда по особой лохматости и ненормальному блеску глаз отличал "корифанов" - продвинутых студентов. Милейшая Эллочка Фомель, замдекана физфака, выслушав мои сбивчивые восторженные пожелания, послала меня на собеседование - и это несмотря на полное отсутствие документов с прежнего места учебы! Представляю, сколько придилок было бы в другом месте!

Собеседователем оказался Жора Заславский - элегантный, в заграничном пиджаке, в туфлях на толстой подошве и с удивительной иностранной сигаретой с золотым фильтром в зубах. Ошеломление, которое я испытал, глядя, как Жора пружинисто прохаживается взад и вперед у классной доски, довершило работу, которую долгие годы делало мое пренебрежение к учебе - я, кажется, не сумел решить ни одной задачи! Еще поразительнее оказалось впечатление, которое я произвел на Жору - мое невежество он принял за скромность, а нахальство за талант! Чем хуже я отвечал, тем больше он меня подбадривал, а случайные мои удачи просто поднимал на пьедестал. В заключение нашей беседы Жора спросил меня, в какой группе я хотел бы учиться, какую специализацию предпочитаю. И поскольку я не смог ответить и на этот вопрос, Жора, теряя терпение, прошипел: "Я направляю Вас в первую группу, на ядерную физику!" Немного удивляясь своему успеху, я все же принял его как должное - ничто не бывает случайным, подумал начинающий мистик.

Так и оказалось. Когда несколько месяцев спустя на семинарских занятиях Жора осознал, что я никакой не скромняга и не гений, а, напротив, лентяй и бездельник, он возненавидел меня на всю жизнь. Что касается Залика, то ему довелось еще раз сыграть ключевую роль в моей жизни в этот период времени. "Спорим, что не сможешь выпить стакан воды, в котором растворена всего одна чайная ложка соли". Мы поспорили, я проспорил, оговоренной расплатой была шевелюра, так что впервые в свою первую группу "ядерной физики" я вошел лысый, как колесо. Парни дружно

заржали, а единственная сидевшая в группе девушка не сводила с меня печальных и черных как вишенки глаз. Девушка впоследствии стала моей женой и так вспоминала эту нашу первую встречу: "В жизни не встречала такого уroda... "

3.комнатман

В незабвенной пятой общаге мне досталась 108-я комната на первом холодном этаже. Так карты легли, что в нее поселили трех еврейских мальчиков из Черновиц. До нашего курса в Универе учился только один черновчанин - Залик. А тут трое - и философски настроенная Евгения Степановна, комендант, посчитала правильным нас поселить вместе. Мальчиков звали просто - Ройтман, Литман и Штивельман. Залик так и сказал - "комнатман". Собственно говоря, какое-то время в 108-й жил еще и Витя Мальков, здоровенный уралец. Глянув на его огромную туфлю и большущую теннисную ракетку, дальновидный Толя Ройтман в первый же день сказал: "Похоже, нам не ужиться". И точно, через короткое время Витя сбежал - без скандалов и ссор. Так что, оставшуюся часть первого курса "комнатман" писал свою историю мутными черновицко-еврейскими чернилами.

Фима Литман был бледным, чуть заикающимся пареньком, смертельно дрожащим перед каждым экзаменом - в дальнейшем из него вышел отличный инженер. Толя Ройтман, шалопай и бездельник, кажется, ничуть не меньший, чем я, отличался загадочным юмором и пристрастием к польской газете "Шпильки" - сегодня он знаменитый переводчик Чеслава Милоша.

И я, пишущий эти строки, никогда не умевший учиться и не интересовавшийся всерьез науками, утешался мечтами о девушках и лекциями о серебряном веке в русской литературе, которые читал на гумфаке знаменитый Граф (Гольденберг Иосиф Захарович), а также: "потрясающими" встречами, "фантастическими" событиями, "блестящими" розыгрышами, "отличными" идеями...

Вот пример одного из моих патентов. Друзья и приятели 108-й множились, как вирусы в питательной среде, и скоро заниматься стало вовсе невозможно. Когда ни придешь - базар. В припадке ипохондрии я придумал "читальный шкаф" - это изобретение придало мне некоторую известность; нашлись и подражатели. Дело в том, частью интерьера каждой комнаты в нашей общаге был фанерный шкаф с тремя квадратными ячейками - по числу жильцов. Оказалось, в шкаф входит стул, на него можно сесть и даже остается место для коленок. Я приделал к стенке шкафа столик - поднимающуюся и опускающуюся на шарнирах доску, повесил электрический патрон с лампочкой - не зря же я целый год в Черновцах работал электриком, внешний шпингалет прикрутил изнутри - и ну, долбать физику, как раз тогда, когда снаружи дым коромыслом. По просьбе Фимы я и ему сбацал такой же шкаф, а Толя учить не хотел, поэтому упражнялся в остроумии: "Представляете, заходят гости, а хозяйева - по шкафам, учат уроки!" К сожалению, сидеть в запертом изнутри шкафу было душновато, поэтому впоследствии пришлось провертеть в двери дырки - для вентиляции.

4.оказывается, удивительным образом

Наши преподаватели - пожалуй, самое глубокое, хотя и не всегда самое приятное впечатление от учебы в Универе. Каждый - легенда, каждый - миф.

Приезжал на дорогом автомобиле с шофером и сиял перед нами лысиной, остроумием, еврейскими анекдотами и крамольными байками великий Будкер. Лекций Андрея Михайловича - а некоторые говорили "Герша" - я не запомнил.

Невнятно бубнил, стоя спиной к аудитории и исписывая всю доску дикими формулами великий Чириков. Лекций Бориса Михайловича я не запомнил.

Потрясал своими историями о геттингенской физической школе, об Эдварде Теллере, о Максе фон Лауэ великий Румер, отсидевший срок вместо Ландау и еще недавно работавший дворником. . . Лекций Юрия Борисовича я не запомнил.

Напротив, лекции по механике Кулакова, казалось, я знал наизусть. Немного хромая, Юрий Иванович входил в Большую Физическую и рассказывал о механике так, как будто только что открыл ее для себя. Открыл не полностью, поражен тем, что удалось понять, предчувствует, что главное понимание еще впереди и спешит поделиться этим пониманием с нами. "Оказывается, удивительным образом!.. то и дело восклицал Кулаков, показывая, как за будничными формулами скрываются универсальные закономерности. "Оказывается, Удивительным Образом!.. простодушно радовался Юрий Иванович, убеждаясь и убеждая нас в том, что вся наука растет из одного корня. Не помню, кем была выдумана эта аббревиатура "ОУО!" при записи его лекций - кажется, Валерой Черкасским, но лекции его категорически не подходили для прагматиков, для тех, кто хотел побыстрее освоить ремесло. Зато мы, горстка романтиков, бегали за ним по пятам и заглядывали ему в рот. Я всех перещегоолял и стал его дипломником, хотя здравомыслящие сокурсники разубеждали меня, как могли. "Чему ты у него научишься? считать детерминанты Кейли-Менгера? а на жизнь как зарабатывать?"

Подружившись с Кулаковым, я узнал об его удивительной жизни. О том, как мальчиком он проник к сидевшему в сталинском лагере отцу. О том, как в нищем послевоенном деревенском доме отец и сын строили настоящую физическую лабораторию. О самом сильном, на всю жизнь, впечатлении от Московского Университета. Белая доска, на которой черной непостижимой латынью были выписаны три закона Ньютона в его собственной формулировке. Об аспирантуре и дружбе с Игорем Евгеньевичем Таммом. О встречах с Козыревым. О первых прорывах в науке его жизни - Теории Физических Структур. О последующих прорывах. О дружбах, об изменах, об озарениях и заблуждениях. О путешествиях, об искусстве.

Удивительным образом оказалось, что тот ментальный путь, который проделал в последующие десятилетия розовощекий студент, будущий автор этих строк, накрепко связан с личностью этого замечательного, этого наивного, этого самоотверженного ученого и выдающегося человека.

5. клуб рациональной йоги Академ был полон чудаков.

Легкой прививки, которую я получил за полтора года казанской жизни, оказалось не достаточно и я то и дело "заболевал" теми или иными отклонениями от "нормальной" жизни.

Не помню, кто меня познакомил с Витей Асташовым, возможно бедный Фетис Колмогоров.

Витя, высокий худой молодой человек с пронзительными узко посаженными стальными глазами, не был студентом. Не был он также рабочим, колхозником или ученым. Не был он и жителем Академгородка - он приехал откуда-то с востока. У кого, где и на что он жил было неизвестно. Ходили слухи, что в коттедже академика А.Д. Александрова.

Зато известно, чем он питался: "Я открыл потрясающую еду, которая никогда не надоедает - вермишель с маслом". Витя был философ и стратег, по призванию и по роду деятельности - а не по образованию. Упоминал скромно: "Мною сделано несколько важных открытий у Гегеля". Витя прибыл в Академ издалека, чтобы создать здесь новую организацию. Название он привез с собой: "Клуб Рациональной Йоги" свою позицию он определил в ней просто: президент.

При всей анекдотичности этой затеи на фоне общественной жизни 70-х годов, Витя сумел заручиться поддержкой и справкой об этой поддержке городковского райкома комсомола. Дело было за малым - люди и деятельность. Проблемы людей в тогдашнем высокотемпературном Академе не было: на каждую мало-мальски сформулированную идею немедленно, как при электролизе, начинал выпадать осадок "заинтересованных" ионов - студентов, научных работников. . . С деятельностью было сложнее, но ведь и времени было немного - нужно было учиться, работать, жить. Небольшие остатки времени легко поглощались перепечатыванием материалов и обсуждением диковинных слухов о чудесах йоги. Асташов аккуратно протоколировал наши заседания, под решением о выборе президента стояло немало подписей.

"Клуб Рациональной Йоги" проплавал в духовном море Академа несколько лет. Неподалеку, совсем рядом с клубом, кочевали другие, куда менее легкомысленные сообщества. Дрейф одного из них - группы великого мага и доктора геологии Алеши Дмитриева - прошел совсем рядом с нашим суденышком, наложив на время драматический отпечаток на наше увлечение.

Виктор еще раз появился в моей жизни, неожиданно навестив меня в Геленджике, в первый год нашей жизни там. Он прожил у нас две недели - "под видом гения как это определила моя жена. Поглощая Динины борщи, он навел ужас на нашу квартирную хозяйку Веру Ивановну: "Боюсь его как попа!". Затем он исчез, не попрощавшись, и, согласно легенде, убыл в Канаду, учиться на зубного техника.

Как бы то ни было, рациональная йога наложила неизгладимый отпечаток на всю мою жизнь и с тех самых пор я без малого сорок пять лет, с большим или меньшим основанием, считаю себя принадлежащим этой вполне иррациональной теме.

6. суд над антисемитами

Академ и Универ того времени - учреждения немыслимой свободы! Хотите - верьте, хотите - нет, но споры о том "нужен ли комсомол?" "социализм или капитализм?" "Сталин - преступник или освободитель?" велись не за закрытыми дверями и не потихоньку, а во весь голос и в аудиториях.

Труссы шипели: "КГБ специально дает вам высказаться. . . но нам не было до этого дела. Миф о КГБ казался нам таким же устаревшим, как и другие страхи наших родителей, которые мы ежедневно развенчивали всей нашей жизнью.

В стране, где до ближайшего политизолятора было рукой подать из любой точки в пространстве и во времени, где у каждого второго сидели родные и близкие, весело и вольно жила немаленькая община студентов, аспирантов, научных работников... Несколько наших ребят выгнали из Универа, поймав за развешиванием листовок, с требованием освободить Синявского и Даниэля.

Стыдно признаться, но мы даже находили в этом некоторую логику. Ведь обо всем этом уже можно говорить открыто! Да и Синявский/Даниэль - что мы так уж хорошо знаем их историю? Может и в самом деле, не все там так чисто? Да и студенты, которых погнали... По слухам, большие лентяи и в политику ударились от безделья.

В общем, имел место печальный консенсус между народом и властью, а возникавшие то и дело сомнения, всякий раз сметались очередными доказательствами того, что мы живем в светлом и свободном мире. На уроках марксизма говорилось такое... На уроках политэкономии такое обсуждалось...

Вечерами в общагу, залетал преподаватель философии Игорь Алексеев с тонкой ученической тетрадкой и вел со всеми дискуссии обо всем! Не было запрещенных тем! Осторожные еврейские ребята задавали мудреные вопросы, прямолинейные парни из глубинки резали правду-матку - но все мы не сводили с Игоря влюбленных глаз, гордясь тем, что мы видим и что слышим. Он и в самом деле был очень хорош собой - тоненький, быстрый, четкий. "Надо жить на высоких скоростях!" говорил Игорь, продолжая с головокружительной скоростью записывать в тетрадочку наши вопросы и свои ответы.

Были, однако, темы, которые не обсуждались - вроде как неприлично. Например, еврейский вопрос. Наши родители только его и обсуждали, а мы нет. Это было частью нашего нового свободного мира, частью уже упомянутого консенсуса. Евреи были - а вопроса не было! Позже оказалось, что имеет-таки место некое кучкование евреев, в том числе, и в нашей компании, некий кластерный эффект, некий фрактал - но ей-же-ей нам это было невдомек.

Мы вообще не говорили об еврейских делах, не знали, не интересовались. За книгами гонялись. О девушках говорили. Науками и занятиями интересовались. В литературу, в йогу, в буддизм, в мистику вникали. А в это - нет. Об этом - нет. Было чувство, что тема эта не совсем красивая, что ли.

Изик Шрейбер, сын сосланных, мальчик, у которого никогда нельзя было узнать, когда он серьезен, а когда шутит, так выражался на эту тему: "Металлурги Кузнецка выстояли. А в Отаках, Черновыцях, Сороках, Бэльцах - пьют вино и танцуют молдовеняску".

Так что, когда однажды утром, явившись с опозданием, как всегда, в Универ, я обнаружил в фойе на стене здоровенный плакат "СУД НАД АНТИСЕМИТАМИ! я почувствовал, что земля качнулась. Несмотря на всю смелость и всю свободу, новость эту не хотелось обсуждать ни с кем. Было чувство, что приоткрылась внезапно какая-то срамная часть на теле и что лучше бы ее поскорее прикрыть; чего там обсуждать...

Все же вечером, огромная аудитория была полна и "наших" в ней тоже было

много, только кучкования не было - то там, то сям. Были лозунги "Позор антисемитам! были красивые речи академика Александрова и других, были и обвиняемые - обычные парни, явно не понимавшие, чего к ним прикопались.

Потом Саша Хутор рассказал как дело было: кто-то кого-то обозвал по пьянке жидом, кто-то кому-то съездил по физиономии, завязалась драка. "Тут наши вывели боевого слона - Мотла Шнайдера - и все кончилось. Кому пришло в голову затевать этот суд - не знаю!"

7.бунт против Солоухина

Рэм Иванович Солоухин стал ректором НГУ в трудный для университета период. Нам студентам факты были неизвестны, но кризис в руководстве ощущался. Строгий человек с военной выправкой, дельный, по слухам, физик, он начал свою деятельность с наведения порядка - что может быть естественней для новой метлы? Посещаемость/успеваемость/дисциплина... Ну, не мог он знать, что в нашей вольнице этого не стерпят! Прогревшаяся на весь совок история началась с того, что Рэм Иваныч со свитой обходил общаги с целью выявления прогульщиков. Прогульщиков оказалось много, Рэм журил их и отправлял на занятия. Пока не дошел до комнаты, где мертвым сном после ночных занятий спал талантливый, почти "корифан лохматый Вовка Пинус. Добудиться его было не просто, а когда удалось - Вовка посмотрел на ректора близоруким взглядом и сказал, не вникая в чины и звания: "Да пошел ты..." и продолжал спать.

За что и был исключен из Универа. Уже на завтра, вечером в холле 2-го этажа общаги самопроизвольно возник митинг "В защиту Пинуса!". Произносились речи - довольно дерзкие. Требовали снять Солоухина, а Пинуса, наоборот, оставить. Решено было писать письмо в Москву, в ЦК. Я речи не произносил, в митинге участвовал слабо, но к редактированию письма прикоснулся. Хорошее было письмо! Пинус, кажется, ничего этого не заметил, продолжал отчаянно долбать кванты.

Осталось твердое ощущение несерьезности, невзрелости, что ли, всей затеи, было ясно, что уже утром все забудется. Но - ничуть!

Ключевое понятие той эпохи - письмо в ЦК. Возвращаюсь в полдень следующего дня из Универа в общагу - не помню уже зачем. А на встречу веселая компания вчерашних ораторов - Саша Мороз, Дрибинский, Могилатов... - всего человек 8. Под руки ведут Пинуса - казалось, он еще не проснулся. "Нас вызывают в партком по поводу письма, пойдешь с нами?" Я пошел. В противном случае лишился бы одной из самых колоритных историй университетской эпохи. В маленькой комнатке парткома на первом этаже Универа слева, куда мы, поигрывая мышцами, набились битком, испуганный, потрясенный парторг Антонов, отчаянно окая, умолял нас отдать документ или хотя бы ответить на вопрос - ушло уже письмо или нет? Мы не поддавались, неожиданно осознав себя центральной фигурой в неизвестной нам шахматной партии. Хотя разговор как будто был окончен, и надо было идти учиться, Антонов нас не отпускал: чего-то тянул, куда-то бегал звонить...

После очередной отлучки он вернулся счастливый и торжественный: "Ребята, ваш отец, ваш учитель, ваш вождь, можно сказать, академик Андрей Михайлович Будкер хочет говорить с вами!" Нас погрузили в роскошный микроавтобус и повезли в ИЯФ.

С этого момента наше самоуважение, взмывшее было в комнатке парторга в Небеса, стало падать и впереди уже угадывалось малоприятное столкновение с Землей.

Благоговей, мы ступили на священную землю ИЯФа - пропусков у нас даже не спросили. Нас ввели в огромный кабинет Будкера. В торце кабинета стоял гигантский стол, а вдоль северной стены на длинном ряду стульев сидели те, кого мы, жалкие второкурсники, боялись больше всего - студенты 5-го курса, дипломники ИЯФа. Штук 20! По сценарию, написанному Гершем, они смотрели на нас злыми глазами и молчали. Веселый, носатый Будкер вошел в своем парадном костюме и лаковых туфлях минут через двадцать, когда партия давно уже была нами проиграна. Но ему нужна была стопроцентная гарантия, поэтому он возился с нами еще часа три, не меньше. Отпустив группу статистов, так и не проронивших ни одного слова, Будкер подошел к нам знакомиться, каждому подал руку, каждому сказал что-нибудь существенное. Например, Пинусу, назвавшему свою фамилию, он сочувственно заметил: "Бедный, это почти неприлично!" Вовка вовсе не был лидером бунтарей, но Герш не мог этого знать и на всякий случай дезавуировал и его. Центральное утверждение, которое Будкер развивал перед нами, растоптанными и обескураженными, в течение нескольких часов, было - главный отрицательный герой советской истории это Павлик Морозов, предавший своего отца. Нам, видимо, не дает покоя его слава - мы хотим предать своих учителей, свой Университет, свой Академгородок, а это еще гораздо хуже того, что сделал злополучный Павлик. Если мы этого не понимаем, то мы или мерзавцы, или идиоты, в любом случае такие люди Университету не нужны. Напротив, если мы осознаем свою ошибку, сделаем все, чтобы ее исправить - Герш гарантирует нам, слышите, гарантирует! - что ни одного из нас (в том числе Пинуса) не накажут, не выгонят из комсомола, из Универса, и не лишат практики в ИЯФе и других институтах. Поражение было полным, грустно о нем вспоминать. Мы все осознали прямо тут в кабинете. Мы признались, что письмо еще не отправлено и поклялись его уничтожить. В роскошном микроавтобусе нас повезли по повечеревшему за эти часы Городку обратно в Универ, где нас уже поджидало большое комсомольское собрание.

Собранию мы, краснея, сообщили, что не понимали всех сторон проблемы, что наша точка зрения изменилась и что письма в Москву мы отправлять не будем. Растерянность была такой, что, кажется, мы забыли сообщить удивленным комсомольцам об единственном достижении сегодняшнего дня - Вовку не выгнали! Между прочим, Андрей Михалыч обещание сдержал - никого пальцем не тронули. . .

8.происки КГБ

С годами все лучше начинаешь понимать, что температура тела, это не то, что телу кажется, а показания градусника. Я хочу сказать, что ощущение свободы и полета, приобретает настоящую цену, только тогда, когда проходит проверку столкновением с "объективной реальностью с инфраструктурой общества - с властью, с милицией, с КГБ. Предыдущий рассказик касается как раз пересечения наших иллюзий с кристаллической решеткой власти - административной, партийной, научной.

Здесь хочется рассказать историю, затрагивающую два других вектора этой конструкции. В те годы мы все поголовно были больны тяжким недугом книголюбия. Как случилось так, что классическое легкое недомогание "ботаников" (интеллигент-

ных хлюпиков) приобрело столь грозные, столь массовые формы - не могу объяснить. Все свободное и почти все учебное время мы покупали, продавали, обменивали, фотографировали, печатали книги. Те, кто посерьезней, ездили за книгами в труднодоступные сельские магазины, а также искали граничивший с криминалом подход к копировальной технике. Приходило в голову сравнение с демографическим взрывом "божьих коровок" который я наблюдал много лет назад в Одессе. Очаровательные букашки моего детства, за которыми мы охотились, ползая по траве с увеличительным стеклом и спичечным коробком, превратились тогда в кровавый покров, устилавший улицы, деревья, дома, пляжи, море. Они забирались во все, жрали все подряд, кусались!

Одним словом, коллекционирование книг охватило тогда и рабочий класс, и колхозное крестьянство и трудовую интеллигенцию Городка. Понятно, что в круг нашего библиофильства постепенно вползали, все менее и менее "стерильные" книги, так что момент, когда Нина Г. принесла мне абсолютно крамольного Кестлера (НОЛЬ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ), мог случиться раньше или позже, но он должен был случиться.

Проинструктированный Ниной по всем правилам: не показывать, не передавать, не задерживать, не сознаваться - я принялся читать. С первых же страниц малоразборчивой ксерокопии я понял: эту книгу я хочу иметь. Я уже ясно представлял себе, как я, как бы невзначай, покажу ее любимой девушке, близкому другу - правда, и та и другой существовали покамест вполне виртуально...

Только как ее скопировать?! Я не знал еще тогда, что страстное желание само по себе формирует в ментальном мире пути своего продвижения. Поэтому буквально ахнул, когда заглянувший ко мне на завтра студент-биолог Виталик В. сообщил мне как книголюб книголюбу, что привез из дому пишущую машинку - редчайшая, доложу я вам, по тем временам вещь. И, что печатает он, между прочим, вслепую и с огромной скоростью, так как заканчивал еще в школьные времена специальный курс.

Соблазн был так велик, что впору было завизжать по-щенячьи. Но я не завизжал. Напротив, собрался, приосанился - Виталик высоко ценил мой интеллект - и важно сказал: "Мне на пару дней дали одну книжку. Сможешь быстренько перепечатать?" Виталик согласился, и процесс пошел: показал; передал; задержал.

Глядя назад с горем сознаю, что удержаться мне удалось только от одной последней ступеньки вниз - и то с немалым усилием. Достаточно сказать, что заветной книги я больше не видел! С момента, когда она оказалась в общежитии биологов, с ней стали происходить удивительные вещи. Вначале от Виталика поступали победные репортажи - дело идет. Потом немного застряло - экзамены, зачеты.

Бедная Нина, которой я сознался в своем преступлении, умоляла немедленно забрать книжку. Но очень-очень хотелось дождаться окончания работы и пополнить свою библиотеку этим сокровищем! Потом Виталик пришел с повинной головой. Боря, со мной случился приступ старой эпилепсии, как раз когда я возвращался домой! В руках у меня были перепечатанные листы, и часть из них пропала. Куда же ты их носил? Я пошел по делу, не хотелось оставлять их дома, все же я не один в комнате...

А оригинал? Сохранился полностью, я восстановлю пропажу.

Что в этом было правдой - сказать трудно, но контроль уже был утерян. Я еще корчил из себя умника, старшего, давал советы, хотя даже ребенку было понятно, что надо сливать воду, и чем быстрее, тем лучше. Следующая ступень, впрочем, была еще круче. Виталик исчез на несколько дней, а потом вновь явился, и вновь с раскаянием. Боря, я провел это ночь в милиции. В нашем общежитии проводили облаву на книжных воров, а поймали меня, печатающего Кестлера. Поскольку я не хотел говорить, кому принадлежит оригинал, меня забрали в милицию и я просидел там всю ночь. Поскольку до утра я так и не придумал, что сказать, а мне вот-вот сдавать зачет, а ты намного умней меня, я решил сказать правду, что книгу получил от тебя, извини. Я не сомневаюсь, что ты найдешь, что сказать - не оставаться же мне там, в самом деле, на всю жизнь...

Тут бы спешно готовить ДОПровскую корзинку, а я принялся, горевать, что сказать Нине и что она скажет тем, у кого взяла. Прошло несколько дней - оцените, несколько дней! И меня приглашают приехать в милицию. В милицию, а не в КГБ! Кажется, в микрорайоне "Щ". Со мной беседовал очень человеческого вида милиционер. Могу соврать, но, по-моему, его звали Николаем Николаевичем Полунином. Сердечно беседовал, снисходительно выслушивал тот бред сивой кобылы, который я нес, пытаюсь скрыть происхождение книги, не разоблачал. Посетовал вместе со мной, что Виталик так легко сдал меня. Сказал глухо: "Мой батя ведь тоже сидел...". Тоже, как кто подумал я; но догадался, что видимо он почитал за эти несколько дней Кестлера. Сказал: "Извини, но в органы доложить придется." Помнится, я не возражал, но попросил вернуть книгу. Он не вернул и отпустил меня! Прошло еще несколько (!) месяцев (!!). На телефон общежития позвонили из Универа. Борис Яковлевич, зайдите сейчас в комнату 101 на первом этаже, там вас ждут. Я пошел, недоумевая, кто бы это мог быть. Оказался лейтенант КГБ Борисенко А.А., спортивного вида молодой человек. Он провел со мной эту встречу, и еще пару встреч - через месяц и через три. Действовал по протоколу - расспрашивал о происхождении книги (через несколько месяцев вранье выглядело правдоподобней). Спрашивал, нет ли у меня или моих друзей запрещенных книг - заглянул в список: "Мандельштам, М. Цветаев...". Вербовал в стукачи. Но все это делалось, как бы это вам сказать, без страсти!

Через несколько месяцев он перестал звонить - потерял интерес, что ли. Я остался в комсомоле, в университете, мне не закрыли допуск в ИЯФ - чудеса! По всей видимости, у нашей фантазии об Академе как самом свободном месте на (советской) земле были немалые основания. Один вопрос все же остался у меня с тех далеких времен: что делал с моей

9.чистка... не написан!

10 и последний .

анкета

1. Расскажите о себе: откуда вы, ваша семья, родители, учеба в школе, жизненные планы, настоящее положение: семья, дети, место проживания и работы.

Моя семья, проживающая в настоящее время в полном составе в Израиле, состоит

из моей жены, в прошлом однокурсницы и одноклассницы Дины Аминовой, двух взрослых дочерей, четырех внуков и брата, профессора физики Карла Штивельмана.

Из двадцати лет, которые я провел в Израиле, девятнадцать я возглавляю частную образовательную компанию, название которой можно было бы перевести на русский язык, как "Педагог" или "Воспитатель" или даже "Классный руководитель". Компания основана мной совместно с друзьями из Академгородка, доктором физики Полиной Гарбер и доктором экономики Владимиром Гробером и представляет собой скромное, но устойчивое юридическое лицо на рынке израильского образования. Наш основной продукт - проекты элитарного (в кавычках и без) образования в израильской школе.

Проекты, называемые "Лицей (науки, искусства, спорта, и того и другого, им.Эйнштейна, им. Рамбама)... неплохо известны в стране.

Родился же я в Узбекистане, на железнодорожной станции Зирабулак, в семье еврейских беженцев от Гитлера. Родители - уроженцы Бессарабии, жители Румынии, к моменту начала Войны настроенные решительно просоветски и потому бежавшие от немцев в СССР, а не в Палестину. Совсем скоро война началась и в СССР, и бегство продолжилось. Часть большой семьи погибла от голода или в гетто, а отец, на каждой новой станции просившийся на фронт, был удостоен этой чести только в конечной точке нашего путешествия. Но мобилизован он был вовсе не на фронт, а в "трудармию" - что-то вроде лагеря, но не для провинившихся, а для лиц, по той или иной причине не вызывавших доверия властей.

Вернулся отец из трудармии разрушенным - морально, физически и даже психически. Мог бы и вовсе не вернуться, но, к счастью, при демобилизации получил две пачки махорки - с помощью одной из них он остановил железнодорожный состав и в теплушке доехал, умирая от голода, до Средней Азии, где жила семья. С окончанием войны семья переехала в г. Черновцы на Западной Украине. Там отец работал инженером на разных предприятиях, очень успешно работал, был изобретателем, награждался грамотами, но, похоже, его интерес к социализму и советской власти угас там окончательно. Он очень увлекался литературой и поэзией, русской и еврейской, вместе со мной полюбил бардов, потихоньку от меня слушал запрещенные "голоса". Мама все годы проработала фармацевтом, заместительницей заведующей большой аптеки. Я учился в средней школе №5, поначалу успешно, а потом, всё более и более отбиваясь от рук, так что к десятому классу уже был законченным разгильдяем. Бесконечное число раз влюблялся, как правило, неудачно.

2. Как вы решились поступить на ФФ НГУ ?

От Славы Шинкаренко, товарища по вечерней школе №8, куда я перешел, чтобы избежать одиннадцатилетки, узнал, что поступать надо на физфак. Физика - царица наук! Окончив школу, пытался поступать в МГУ и провалился, в то же лето поступал в Казанский Госуниверситет и поступил. Спустя полтора года вместе с большинством сокурсников оставил КГУ, чтобы избежать призыва в армию. В НГУ прибыл по настоянию своего земляка Занвела Цавалера.

3. Ваша учеба на ФФ НГУ: жизнь с учебниками, семинары, экзамены, проведение свободного времени, хобби, жизнь в общежитиях, самые интересные случаи из

студенческой жизни, которые Вы рассказываете детям и внукам, общественная деятельность, работа в стройотрядах, ФМШ, воскресные школы, стенгазеты, спорт, творчество, любовь.

Учиться в НГУ всегда было трудно - сказывалось полное отсутствие навыков самостоятельной работы. Учебники казались китайской грамотой, лекции и семинары, за редким исключением, были малопонятны, к экзаменам (не припомню исключений) я всегда был решительно не готов - до сих пор не понимаю, как из такого положения могли сложиться хороший диплом и совсем неплохое профессиональное образование, плоды которого я с благодарностью пожинаю всю жизнь. В стройотряде, в Катравоже Салехардской области провел одно незабываемое лето. Еще одно лето связано с агитбригадой НГУ, гастролировавшей по Новосибирской области.

4. Как вы оценили качество обучения в НГУ? Какие свойства вы обрели за годы учебы, ваше физическое мировосприятие и отношение к религии.

Для тех, кто сумел увлечься, качество обучения было замечательным - результаты налицо. Остро не хватало, на мой взгляд, службы психологической поддержки - помощи в выработке учебных навыков, в преодолении страха перед экзаменами, в борьбе со стрессом. Была бы такая служба - меньше студентов сошло бы с дистанции, меньше спилось, меньше покончило бы с собой. В целом, НГУ - довольно жестокий эксперимент, в духе того времени, и очень удачный, как и многие жестокие эксперименты; если не считать потерь... Мое физическое мировоззрение полностью сложилось в НГУ, а отношение к религии - рядом с НГУ. Поувлекавшись разными религиозно-философскими системами (йогой, буддизмом, христианством, рерихианством, даосизмом и даже конфуцианством), я сегодня вполне сложившийся религиозный человек (без фанатизма) в еврейском смысле этого слова.

5. Как сложилась ваша научная карьера или работа по окончании ФФ, что удалось или не удалось реализовать?

6. Научная карьера состоялась, но в самом скромном виде - поступил в аспирантуру к В.Е. Накорякову, не без увлечения провел исследование, написал и защитил кандидатскую диссертацию о нелинейных волнах в трубах.

7. Ваши воспоминания о любимом Академгородке сквозь призму сегодняшнего времени?

Волшебное время, без всякого преувеличения. Пользуясь акушерской терминологией, черновицкий период (вплоть до окончания школы) можно было бы назвать эмбриональным, казанский - ювенальным, а новосибирский - пубертатным. На геометрическом месте точек бифуркации, каким является наша жизнь - одна из самых значимых, самых судьбоносных точек.

8. Ваши любимые преподаватели, ваши верные друзья на ФФ.

Любимые педагоги - Кулаков Ю.И., Алексеев И.С., Румер Ю.Б.

Любимые друзья того времени - Изя Шрейбер, Оксана Буднева, Вова Рогов, Толя Ройтман, Валера Черкасский, Володя Мазецус, Алик Корейша, Саша Хуторецкий, Илья Каганский, Дина Аминова, Стелла Аминова, Нина Горенштейн...

9. Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию в науке и в физике в целом мире или

в России?

Не достаточно компетентен.

10. Ваши пожелания выпускникам ФФ и вновь поступающим в НГУ.

Ценить отпущенное время.

11. Что бы вы хотели добавить от себя в данную анкету?

Вопрос: что бы Вы изменили, если бы можно было бы все повторить...